Минерва Макгонагал, вздохнув, вновь обратила внимание на зал, полный учеников. Ее голос, полный сострадания, звучал даже более проникновенно, чем она сама ощущала, и уж тем более, чем того заслуживали юные волшебники.— Сегодня скорбите, — начала она, — ибо завтра вы отправитесь домой. Идите и подумайте о событиях этого года, о том, что они могут предвещать, а что нет. Давайте каждый из нас задумается о том, кто мы есть, и решит, хотим ли мы оставаться такими. Пусть ваши сердца и ваши умы станут вашими проводниками. Подготовьтесь к тому, что ждет вас впереди, ибо сейчас, как никогда, мы нуждаемся друг в друге. Мы сможем победить, если объединимся, как единый разум, как единый голос. Если вы не можете сделать это ни по какой другой причине, ... сделайте это ради него.С этими словами Макгонагал покинула зал, внутренне разрываемая эмоциями. Она планировала последовать собственному совету и утолить горечь за большим бокалом виски. Однако не успела она сделать ни глотка, как в дверь ее покоев раздался тихий стук. Минерва ухмыльнулась, глядя на бокал, который она приготовила для такого неожиданного гостя.Альбус Дамблдор вошел, спокойный и уверенный. Он знал, что ему достаточно просто объявить о своем приходе, ведь они были старыми друзьями, и формальности приглашений давно утратили для них всякий смысл. Альбус опустился в кресло напротив и взял бокал, с наслаждением вздохнув, когда крепкий напиток согрел его горло.— Отличное выступление, Минерва, — заметил он, поднимая бокал в тосте. — Он заслужил все это и даже больше, по-моему.— И даже больше, — проворчала она, не скрывая своей горечи. — Я имела в виду каждое слово.Дамблдор кивнул, игнорируя вызов, прозвучавший в ее словах.— И даже больше, — согласился он. — Я имела в виду каждое слово, — повторила Минерва, настаивая на том, чтобы он осознал свою роль в случившемся.Дамблдор вздохнул. — И я заслужил это. Как говорится, я не смог разглядеть лес за деревьями. Теперь, из-за моей недальновидности, Сириус мертв, а Гарри лежит на пороге смерти, — он рассказал о своих действиях в Министерстве и о том, что произошло между Гарри, Волдемортом и им самим. Минерва слушала, не отрывая взгляда от бокала. Ее сердце переполняла гордость за своего ученика.— Ты должен был убить его, когда Гарри предоставил тебе шанс, — решительно заявила она.Дамблдор беспомощно пожал плечами.— Может быть. Может быть, мы бы уничтожили Темного Лорда в процессе, но убийство Гарри было бы неизбежным в любом случае.Макгонагал тоже вздохнула, осознавая сложность такого выбора, но твердо решила, что...— Гарри удерживал бы его столько, сколько потребовалось бы. Он бы нашел способ, — сказала она, ее голос звучал уверенно.Дамблдор задумчиво вертел в руках пустой бокал.— Я знаю это, но когда дело дошло до дела, я просто не мог... Я просто не мог пожертвовать мальчиком. Как бы это ни избавило мир от ужаса, которым является Волдеморт, но насколько сильнее ужас от того, что я лишу мир такого ребенка?Дамблдор допил свой бокал и с сожалением вздохнул.— Я слишком стар, слишком стар для войны, и уж точно слишком стар, чтобы делать трудный выбор. Если бы я рискнул, из всех этих страданий мог бы выйти хотя бы какой-то положительный результат. Теперь же ребенок мертв, как и в случае с моей собственной палочкой. И Волдеморт может спокойно вести свою войну.— Да, старая, но у тебя, как говорится, еще есть немного в запасе, — возразила Минерва. — У тебя хватило смелости вызвать Кроакера и его партию.Она похвалила его, но на ее лице, несмотря на грубоватый ответ, появилось странное выражение предчувствия. Дамблдор усмехнулся, услышав слова своего соратника, и хотел бы ее отругать, но понял, что это ничего не изменит.— Наверное, слишком поздно, — устало вздохнул он. — Даже если люди Льюиса смогут сотворить какое-то чудо, мальчик уже никогда не будет прежним.Он содрогнулся от мысли о том, что может предвещать такая судьба. Он не обманывал себя ни тем, что попытка была практически невозможной, ни тем, что даже в случае успеха, не ясно, какие меры могли бы быть использованы, чтобы достичь уровня "невозможно". Невыразимцам оставалось лишь выяснить, смогут ли они сделать невозможное и спасти ребенка от многочисленных ран, полученных в результате удара. Все отчаянные попытки не увенчались успехом, и Целители были вынуждены смириться с неизбежным. Ведущий Целитель Гарт Сэмюэлс отошел от пропитанной кровью каталки с мальчиком, его взгляд остановился на часах на стене. Он

следил за ходом секундной стрелки, прислушиваясь к сигналам монитора о затихающем сердцебиении ребенка. Бип… бип… бип… бип… бип… Расстояние между этими зловещими сигналами становилось все больше, и сухие губы Целителя разошлись, когда он приготовился огласить свой окончательный приговор пациенту, которого так хотел спасти. Объявление было на кончике его языка, когда Невыразимцы ввалились в палату экстренной хирургии. Он едва успел запротестовать, как их глава предъявил свои полномочия, что случалось с ним нечасто, поскольку обычно униформа с многочисленными значками на воротнике была более чем достаточным подтверждением. Целитель Сэмюэлс вгляделся в имя и звание, обозначавшие стоящего перед ним человека в капюшоне. Когда мужчина откинул капюшон, чтобы открыть лицо, указанное в удостоверении, у целителя ослабли колени. Невыразимцы без лишних слов забрали ребенка.

http://tl.rulate.ru/book/104997/3690085